

НАРОДНАЯ БЕСТОЛКОВОСТЬ

(«День», №№ 1 и 2)

Мы начинаем обращаться в славянофилов. Три месяца тому назад, когда мы хотели выразить впечатление, производимое львовскою газетою «Слово», нам подвернулись слова иностранного происхождения — «национальная бестактность». Теперь совершенно такое же впечатление, произведенное двумя первыми номерами московской газеты «День», выразилось у нас словами чистейшего русского происхождения. Значительную долю славы за это спасительное обращение наше, история, по всей вероятности, припишет «монументальному», по выражению «Дня», труду В. Даля: «Толковому словарю живого русского языка»¹, в котором предлагаются чистые русские слова на замену всех взятых от латинских, люторских и других нехристей; например, астрономический термин «абerrация» заменяется золотопромышленным словом «россыпь», «абордаж» — словом «сцепка», «абориген» — «коренник или сидящий на корню», «авангард» — «переды или яртаул», «автограф» — «своеручник», «автомат» — «самодвига», «живуля», «живышь» и так далее.

Прежняя литературная деятельность г. И. Аксакова, издателя и редактора газеты «День», доставила ему уважение от людей, нимало не восхищающихся славянофильскими теориями. Мы уверены, что и в новой его газете будут постепенно являться статьи, которые своєю практическою честностью будут соответствовать репутации г. И. Аксакова. Но в первых номерах он уже чересчур постарался доказать ошибочность мнения, будто бы он принадлежит к славянофилам больше по имени (еже басурманами зовется по фамилии), по родству, по знакомству, чем по личной пропитанности их теориями. Он — человек, сочувствующий своему народу, сочувствующий всем славянским народам, — это прекрасно, но в этом еще нет славянофильства. Русскому народу не меньше, а может быть и гораздо побольше, чем славянофилы, сочувствуем все мы, русские литераторы, пишущие в «Отечествен-

ных ли записках» или в «Русском вестнике», в «Русском ли слове» или в «Современнике». Точно так же все органы русской журналистики очень горячо сочувствуют славянским племенам. Отличиться от всей массы нас, русских литераторов, не называющихся славянофилами, — отличиться от нас любовью к нашему народу или к другим славянам точно так же нельзя, как нельзя отличиться от нас сочувствием к воскресным школам или к законности. Но те действительно особенные пристрастия к разным другим предметам, которыми прославлялись другие славянофилы, не были слишком заметными у г. И. Аксакова². Мы не ждали, чтобы он поспешил отличиться ими в своей новой газете. Но он поспешил отличиться ими, — да еще как! Мы приведем на выдержку несколько мест из первых двух номеров газеты «День».

Вот, например, руководящая статья первого номера, служащая, как видно, программой газеты. После длинных объяснений о том, что все у нас «ложь», — ложь в просвещении, ложь во вдохновениях искусства, ложь в литературе, ложь в поклонении свободе, ложь в гуманности и образованности (заметим, что это рассуждение, написанное в фигуре «единоначатия», сильно пахнет риторикой), — после этих рассуждений говорится, что «казалось, что исчез народ», и был он «полумертвым трупом», но теперь полумертвый этот «труп оживает, согретый солнцем мысли». Каким же это солнцем, <от> какой же это мысли оживился полумертвый труп? — Следует ответ, очаровательный своей наивностью. Извольте читать:

Мучительным, медленным процессом добывалось у нас наше самосознание, и не напрасно жили и потрудились для него подвижники русской мысли: Киреевские, Хомяков и Константин Аксаков. Точка зрения, добытая, поставленная и выраженная ими, составляет, по нашему убеждению, поворотную точку в истории русского просвещения и, как маяк, озаряет дальнейший, предлежащий нам путь развития. Мы с радостью видим, что многие из выработанных славянофильскою школою положений уже обратились теперь в общее достояние и нашли себе защитников и в других органах нашей печати.

Почему не самохвалствоваться, если есть охота? Но ведь нужно же знать какую-нибудь границу и в самохвалстве. Русский народ оживлен трудами Киреевских, Хомякова и Константина Аксакова!³

В первой руководящей статье «славянского отдела» говорится, что мы, русские, ничего не выиграли от своего «добровольного рабства и колоссального душевного холопства» перед Западом, — Западная Европа, извольте видеть, ненавидит нас, «создает целые теории, подкашивающие наше нравственное могущество». Да какие ж это особенные теории создал Запад для нашего подкашивания? Кажется, не предлагает он нам ровно никаких других теорий, кроме тех, которые создал сам для себя; на Западе,

кажется, нет такого стремления, что вот, дескать, сами про себя мы будем иметь научную или какую другую истину, а ненавистным русским или вообще славянам будем преподавать какую-нибудь вредную безнравственность; сами будем пить шампанское неотравленное, а в Россию будем посылать отравленное; сами будем учиться по хорошим учебникам, а в Россию будем посылать плохие учебники; сами будем читать Маколея, учащего веротерпимости, а в Россию будем посылать книги инквизиционного направления. Кажется, Западная Европа не предлагает нам ничего, кроме того, чем пользуется и сама. А впрочем, «День», быть может; и докажет нам, что Запад поступает иначе с нами. По крайней мере, он, сделав открытие о созидании Западом целых теорий, подкашивающих наше нравственное могущество, продолжает:

Постоянный натиск духовных враждебных сил Запада колеблет внутри самой России сознание нашей силы и нашей правды, ясное разумение наших прав и обязанностей, опасностей и выгод!

И не только Россия, но и весь славянский, или, вернее, православно-славянский мир разделяет с нею ту же участь. Пора догадаться, что благосклонности Запада мы никакой угодливостью не купим; пора понять, что ненависть, нередко инстинктивная, Запада к славянскому православному миру происходит от иных, глубоко скрытых причин; эти причины — антагонизм двух противоположных духовных просветительных начал и зависть дряхлого мира к новому, которому принадлежит будущность. Пора нам, наконец, принять вызов и смело вступить в бой с публицистикой Европы за себя и за наших братьев славян! Но чего же могут ожидать от Европы славяне, сохранившие верность славянским началам, если могущественнейший представитель этого мира, русское племя, трусливо избегая борьбы с общественным мнением Европы, боится водрузить знамя своей духовной самобытности, своей народности, своего исторического подвига и призвания?

Так вот к чему приглашает нас «День»: мы должны вступить в борьбу с общественным мнением Европы. Полезное для нас будет дело, нечего сказать! Общественное мнение Европы стремится к улучшению материального и нравственного, частного и общественного быта, — что ж, должны мы вступить в борьбу с этим стремлением? Должны мы доказывать, что человечеству следует беречь все остатки средних веков и восстанавливать те бедствия, которые устранены развитием?

«День» думает, быть может, о другом? Есть между славянофилами крайние герои, желающие переделать Запад по славянофильским принципам, но есть и такие скромные, что говорят: «стремление и теории Запада хороши для него; только наших потребностей он не понимает, желает нам вредного. Только против его желаний и советов нам должны мы вооружаться». Может быть, руководящая статья «славянского отдела» в № 1 «Дня» написана человеком такого умеренного славянофильства? Хорошо; посмотрим, полезно ли для нас будет, если мы вступим в борьбу с общественным мнением Запада не для сокрушения западных стремлений в самом Западе, а только для того, чтобы делать у самих себя наоборот против желаний, какие Запад имеет

относительно нас. Какие события и направления нашей жизни одобряются Западом и производят в нем радость? — Всякая общественная реформа, всякое улучшение в промышленности или в земледелии, всякий успех просвещения у нас производит радость на Западе. Справьтесь в какой хотите сколько-нибудь порядочной западной газете, от *Débats** до *Times'a*, вы увидите, что она хвалит у нас все то, что одобряется у нас массою просвещенных людей (и в том числе славянофилами): всякое облегчение в налогах, всякое хорошее уменьшение в расходах, основание воскресных школ и т. д. Что же, должны мы вступить в борьбу с общественным мнением Запада по этим предметам? должны мы отказаться от реформ? стеснять у себя просвещение? Разумеется, никто из порядочных людей между славянофилами не хочет давать такого смысла своим словам о борьбе против Запада; но, кроме этого смысла, не могут такие слова иметь никакого другого. Мы нимало не подозреваем таких людей, как г. И. Аксаков, во вражде к прогрессу; мы только находим, что они говорят фразы, не имеющие для них самих ясного смысла и имеющие обскурантский смысл в устах очень многих плохих людей, которых они с любовью принимают в ряды своей партии за подобные фразы и которые дурачат их наивность.

Но, порицая славянофилов за фразы о борьбе с Западом — фразы или бессмысленные, или обскурантские, — мы должны превознести горячность их патриотизма, не удерживаемого никакими соображениями. Это — доблесть высокая. Вот, например, рассказав о какой-то демонстрации в Царстве Польском, газета «День» изливает свое прекрасное негодование на дерзких нарушителей закона. Газета «День» (во 2 №, на стр. 14) обращается к преступным мечтателям со следующими словами:

Безумные поляки! Как спешите вы проиграть ваше дело! как торопитесь вы затушить всякую искру сочувствия, которую могла бы зажечь в единоплеменных вам братьях ваша любовь к родине! Неужели вы так глухи, так слепы, неужели вы думаете, что в пространной русской земле, от Камчатки до Карпат, в Великой, Малой, Белой, Червонной Руси, найдется хоть один русский, который бы не загорелся весь самым жгучим огнем негодования при таких лживых и наглых ваших притязаниях! который бы не отдал жизни в борьбе с вами, за сохранение наших древних русских областей, нашего трижды святого, прекрасного Киева!.. Или тщетны были для вас все уроки истории, и вас ничто исправить не может? Вам по-прежнему нипочем права чужих народов и их народная воля; надменный шляхтич, ругавшийся над верою нескольких миллионов руссов, называвший ее *холопскою* и русский народ — *холопами* Польши, видно еще жив в вас, и как прежде сгубил, так и теперь, безумный, губит дело своей родной земли! Мы оставались чужды доселе вашей тяжбе с правительствами, но вы хотите возобновить международную** тяжбу и воскресить вражду, которую сострадание к вам начинало изглаживать в сердцах наших! Несчастные, несчастные, безумием, как божьей карой, пораженные поляки!..

* «Journal des Débats» — *Ред.*

** В смыс.е — международную.

Мы благоговеем перед этою силою патриотического гнева. Но, быть может, не примет газета «День» за недостаток патриотизма в нас, если мы отважимся заметить ей, что и патриотизм должен не быть необузданным чувством, попирающим всякие расчеты политического благоразумия и забывающим даже о самых пользах родины. Если мы не ошибаемся, не для одной только Польши, но точно так же и для самой России было бы очень полезно, когда бы нынешние беспокойства в Царстве Польском успокоились развитием дружественных чувств к русским в поляках. Если мы не ошибаемся, тон, принимаемый газетой «День», не может содействовать достижению этого результата, желательного для всех русских, любящих Россию. «Безумные поляки», «вы глухи и слепы», «вы наглы и лживы», «мы горим огнем негодования на вас», «мы отдадим жизнь на борьбу с вами», «вы ругаетесь над нашею верою», «вы называете нас своими холопами», «вы поражены божьей карой», и так далее, и так далее. Едва ли можно полагать, что подобные выражения уместны в устах людей, желающих наилучшего для самой России разрешения нынешних несогласий, то есть желающих прекращения международной * вражды. Или газета «День» не желает этого? Нет, без всякого сомнения, желает; она только не понимает того, что сама говорит.

Да, она имеет только один недостаток: совершенное забвение расчетов приличия и уместности. Таково свойство необузданных порывов чувства, хотя бы самого прекрасного. Вот, например, хотя бы родственное чувство. Что может быть прекраснее и почтеннее любви одного брата к другому? Посмотрите же, что напечатано на стр. 20 № 2 «Дня». Объявив, что на-днях выйдет первый том полного собрания сочинений Константина Сергеевича Аксакова, газета «День» возглашает с восклицательным знаком: «не нам, конечно, распространяться здесь о значении и достоинстве этих сочинений!» Никому не запрещено вообразить, что сочинения добродушного К. С. Аксакова, до очень зрелых лет отличавшегося тою восхитительною чистотою души, которая очаровывает нас в институтках, но которая едва ли совместна с зрелостью мысли, — никому не запрещено вообразить, что его сочинения имеют бог знает какое огромное значение и бог знает какое удивительное достоинство. Только, видите ли, не всякому прилично выражать такое убеждение. Отец, превозносящий детей, брат, восхваляющий брата, бывают смешны. Произнесение панегириков надобно предоставлять людям посторонним. Но г. И. Аксаков совершенно чужд того соображения, что не ему, брату К. С. Аксакова, следует являться перед публикою восклицующим о великом достоинстве и значении сочинений своего брата. Вот

* Опять в смысле межнациональной. — Ред.

этим самым непониманием впечатления, какое производится известными словами в известных устах мы объясняем и возгласы газеты «День» о поляках.

А если бы славянофилы могли хоть несколько соображать обстоятельства, обдумывать факты, к каким прекрасным мыслям пришли бы они при своих превосходных намерениях и возвышенных чувствах! Вот, например, если б они потрудились хоть немного обуздать пылкость своих фантазий по вопросу о судьбе славянских племен, как хорошо было бы их сочувствие к болгарам и сербам, хорватам, словакам и чехам. А теперь необузданные порывы воображения заставляют их говорить несообразности и желать такого направления дел, которое одинаково было бы вредно и другим славянским племенам, и нам. Посмотрите, какую программу по славянскому вопросу выставляет газета «День» в руководящей статье этого отдела в № 1. Мы слово за слово разберем эту программу, — не с тою надеждою, что наши замечания сколько-нибудь образумят самих славянофилов, а только для того, чтобы по возможности заявить основания, по которым славянофильские стремления относительно славянского вопроса отвергаются людьми, не меньше славянофилов желающими добра славянским племенам. Вот программа газеты «День».

Наша сила в Европе — сочувствующий и связанный с нами родством крови и духа мир славянский вообще и мир православный в особенности — выступает теперь на поприще истории. Славян, свободных от чуждого ига, нет нигде, кроме России. Кроме России, везде славянскую народность гнетут или немцы, или турки. По мере возрастания политического могущества России возрождались в порабощенных племенах: надежда на избавление от позорного ярма и чувство славянской народности. Освободить из-под материального и духовного ига народы славянские и даровать им дар самостоятельного духовного и, пожалуй, политического бытия под сению могущественных крыл русского орла — вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России. Но сознаем ли мы и сознают ли славяне наше призвание и наше право? Куда обратят свои взоры пробуждающиеся славянские народы? Вопрос, казалось бы, совершенно излишний, тем более, что выше мы сами уже указали на это сочувствие. Но дело в том, что сочувствие поддерживается сочувствием взаимным; дело в том, что сочувствие опиралось до сих пор на естественное чувство славянских народов, не справлявшееся с дипломатическими летописями и не искушавшееся соблазнами блестящей цивилизации Запада. Теперь наступает пора другая. Теперь сочувствие к России ищет себе другой, более разумной основы и, переходя из области естественного чувства в область сознания, подвергает проверке и оценке нашу собственную верность славянским началам. Мы знаем, что так называемые интеллигентные, образованные классы у славян восточных, пораженные невежеством, равнодушием, молчанием нашего общества и нашей журналистики (об отдельных явлениях говорить нечего), не находя себе в последней никакой опоры, никакого оружия противу лжи, которую в известной мере содержит в себе западное просвещение, — мало-помалу отворачиваются от нас, своих старейших братьев. Бессильные устоять на собственных ногах, они хватаются в своей слабости за духовную (в обширном смысле слова) помощь западных народов, исконных врагов славянского мира. Народные начала крепки не одним воплощающим их в себе бытом, но еще более — ясным сознанием. Где же быть этому сознанию, как

не в единоплеменной и единой верной России, богатой горьким и долголетним историческим опытом? Но напрасно стали бы славяне домогаться этого сознания от русской журналистики!

В этом возвышенном излиянии чувств каждое слово — ошибка против фактов.

«Наша сила в Европе — сочувствующий и связанный с нами родством крови и духа мир славянский вообще и мир православный в особенности». Нет, наша сила — в Европе ли, в Азии ли, или где бы там ни было — не другие славянские племена, а мы сами и только мы сами. Разве одна Россия из могущественнейших держав имеет в других странах соплеменников или единоверцев? Французы, народ романского племени и католического вероисповедания, имеют единоверцев и соплеменников в испанцах, португальцах, итальянцах. Что же, разве силу свою Франция заимствует от этих народов? Англичане, германцы протестантского исповедания, имеют соплеменников и единоверцев в жителях северной Германии, в голландцах. Что же, разве силу свою заимствует Англия от Пруссии, Ганновера, Бадена или Голландии? Точно в таком же положении находимся мы, русские, относительно остальных славян или остальных православных народов. Нам не нужно их силы, мы сами по себе довольно сильны. Народ, соединенный в такую державу, которая уже довольно могущественна для ограждения своей независимости, может с выгодами для себя иметь только временные и случайные союзы с каким-нибудь другим племенем или государством, — союзы, заключаемые только для какой-нибудь частной, внешней цели и нисколько не относящиеся к условиям внутренней жизни. Но тут дело решается по мимолетным военным надобностям, без всякого отношения к единоплеменности или единоверности. Например, когда Франция воевала с Англией, для Англии было полезно вступить в союз с Испаниею, которая единоверна и единоплеменна не ей, а Франции. Если бы когда-нибудь, — чего не дай бог — возгорелась у России война с какою-нибудь державою или союзом держав, то, разумеется, России следовало бы искать подобного военного союза со всяким государством или племенем, которое могло бы помогать ей в войне: искать союза с Италиею или Англиею, с Сербиею или Египтом, Персиею или Швециею — все равно, какого бы племени и исповедания ни были союзники. Но, разумеется, не о таких внешних и случайных союзах идет дело в славянском вопросе. Он относится к расширению государственного организма, к прочному соединению по внутренним делам, к образованию одной державы или федерации держав. Расширение политического организма, к которому принадлежит известный народ, бывает полезно этому народу лишь до такого размера, чтобы независимость его была вне опасности, чтобы никакое другое государство не могло иметь ни силы, ни мысли завоевать его.

Есть народы, настолько многочисленные, что находят этот размер государственного могущества в самих себе одних. Таковы англичане, французы и русские. Таковы же были бы немцы, если бы достигли государственного единства. Таковы же становятся итальянцы, достигая его. Каждому из этих народов в государственном отношении нечего желать, кроме собственного единства. Всякая попытка войти в государственную связь с населением другой страны, хотя бы единоплеменной и единоверной, оказывается для такого народа напрасным и обременительным неудобством. Примером служит попытка французов при Людовике XIV приковать к своей политической жизни Испанию; другая попытка французов при Наполеоне I также приковать к себе Испанию и Италию. Кроме бесчисленных потерь и неудобств, ничего не извлекла себе Франция из этих попыток. Точно таковы же были для Англии результаты политической связи с Ганновером, страной единоверною и единоплеменною Англии.

«Кроме России, везде славянскую народность гнетут или немцы, или турки». О турках мы не будем теперь говорить; но как с словами, сказанными о немцах в этой программе, согласить то странное обстоятельство, что московская газета «День», подобно лвовской газете «Слово», уверяет нас, будто бы австрийские славяне должны теперь иметь надежду на австрийское правительство. Читатель подумает, что мы клеветаем на газету «День», но вот вам подлинные слова ее из «славянского отдела» во 2 №:

Мадьяры, как теперь оказалось, не допускают и даже не обещают допускать у себя другим нациям — ни заводить национальных школ, ни вводить своего языка в провинциальное управление, ни присылать на провинциальный сейм депутатов народных, кроме тех, которых они сами или силою, или ласкательством заставят избрать из своих единомышленников; они не соглашаются присылать своих депутатов, между которыми могли бы быть и славяне, и на сейм державный⁴, где решаются общие вопросы всех народов и провинций целого государства. Немцы, по крайней мере, обещают дать славянам и румунам* национальное устройство, и скорее могут это допустить, чтоб вести тогда и мадьяр за своим кормилом: они восстановили провинциальные сеймы, о чем мадьяр и слышать не хочет; они учредили сейм общий для всех народностей — державный. Славяне, управляемые немцами, уж не могут сойтись на венгерском сейме с славянами венгерскими, но славяне венгерские могут сойтись с славянами немецкими на державном сейме; следовательно, всем славянам представляется случай соединиться и соединенными силами действовать для блага своей народности. Австрийское правительство хотя — не-хотя поддается на мысль славян и еще прежде закрытия венгерского сейма начало приводить, на случай, в действие пружины национального начала. Вы знаете о собрании национального сербского собора в Карловце. В октябре месяце прошлого года Австрия одним почерком пера уничтожила воеводство Сербское в угодность мадьярам; в апреле настоящего года, следовательно, через шесть месяцев, та же самая Австрия тем же самым сербам изъявила соизволение открыть в Карловце собор, чтобы они посоветовались, на каких условиях могут соединиться с мадьярами. Она послала туда своим комиссаром генерала Филиповича. О восста-

* Румынам. — Ред.

новлении воеводства им рассуждать было не велено, но когда сербы, так будь сказано, вопреки воле правительства положили на соборе устроить вновь воеводство и дать ему самостоятельное, национальное внутреннее управление, даже с избранием главы народа — воеводы, Австрия не только не отказалась от этого определения, но даже непосредственно сама приняла заключения собора на свое благоусмотрение и теперь держит этот камень за пазухою для мадьяр. Вы читали также, без сомнения, о национальном соборе в Сент-Мартине, в северной Венгрии; там было рассуждаемо тоже исклучительно о национальном управлении словаков и русских * в Венгрии. Заключение сент-мартинского собора посланы были и румунам, и сербам, и хорватам, чтобы пригласить и их действовать в том же духе относительно мадьяр. Видимого присутствия правительственных комиссаров на этом соборе не было, но он состоялся не без участия с их стороны. Словаки были обмануты своими мадьяроманами: последние, прикинувшись на соборе горячими патриотами, уговорили собрание подать свои заключения мадьярскому сейму; впрочем, когда мадьярский сейм, как и должно было ожидать, отверг предложения словаков, правительство австрийское не преминуло ими воспользоваться и держит их также, на случай, наготове.

Ну вот вам, читатель, слышите ли? — по словам газеты «День», венгерских славян угнетают мадьяры, а австрийские немцы уже многое сделали в пользу славян: восстановили провинциальные сеймы и учреждением общего имперского совета открыли всем австрийским славянам возможность соединиться и соединенными силами действовать на благо своей народности. Слышите ли, читатель, как австрийцы покровительствуют славянам? По словам газеты «День», австрийцы уже поддаются на славянскую мысль, исполняют заключения сербского собора; они помогают и словакам отстаивать народность** против мадьяр. Газета «День» во втором своем номере заключает из этого: «австрийское правительство непрочь от того, чтобы признать у себя национальность славянских племен», и тон всей этой статьи таков, что венгерским славянам следует поддерживать австрийское правительство против мадьяр, а галицийским русинам следует поддерживать австрийское правительство против поляков.

А если газета «День» говорит таким образом во втором своем номере, то зачем же в первом своем номере она говорит, что славянскую народность угнетают немцы? Надобно было сказать, что ее угнетают в Австрии мадьяры и поляки, а немцы поддерживают ее. Или в статье второго номера, или в программе, излагаемой первым номером, напутано, что-нибудь не так, а быть может, и в обоих номерах все напутано.

«Освободить из-под материального и духовного гнета народы славянские и даровать им дар самостоятельного духовного и, пожалуй, политического бытия под сению могущественных крыл русского орла — вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России». Нам кажется, во-первых, что у могущественного русского орла очень много своих домашних русских дел.

* То есть русин. — *Ред.*

** То есть свою национальность. — *Ред.*

Какие бы там права и обязанности ни имела Россия, а первое право и обязанность ее, как и всякой другой державы, — заботиться о собственном благе. У нас на руках очень важные внутренние реформы, не оставляющие нам ни времени, ни средств впутываться в чужие дела. Неопределенные фразы обманчивы. Будемте говорить прямо: чего вы хотите? Если вы хотите, чтобы Россия употребляла для освобождения славянских племен только дипломатическое влияние и газетные статьи, вроде разбираемой нами, такое пособие мы действительно можем оказывать славянским племенам без большого убытка для себя; только пособие такого рода ровно никакой существенной пользы славянским племенам не принесет. Что, вы в самом деле думаете усювестить турок или внушить добросовестность австрийцам? Что за ребячество! Кому охота слушаться увещаний, не поддерживаемых штыками? Но, быть может, вы не дети, быть может, вы понимаете, что без войны никакой народ ни от какого чужого ига не освобождается, и желаете, чтобы Россия начала войну с Турциею и Австриею для освобождения славян? (Впрочем, мы не знаем после вашей статьи во втором нумере, надобно ли, по вашему мнению, для освобождения славян вооружаться против Австрии, или надобно вместе с ней, покровительницей славянской народности, вооружаться против венгров и галицийских поляков, угнетающих ее, по вашим словам). Но если вы хотите войны, то рассудите же, дозволяют ли нам думать о войне наши обстоятельства. Ведь война означает остановку нашего внутреннего развития, выпуск громадного количества кредитных билетов, расстройство всех экономических отношений, едва начинающих оправляться от прежних войн. Притом война, слишком обременительная для нас при нынешних обстоятельствах, была бы для самих славянских племен, за освобождение которых началась бы, еще вреднее, чем для нас. Она вооружила бы против освобождения славян все западные державы. Неужели вы думаете, что Англия или Франция очень любят турок? Нет, они думают о турках совершенно так же, как и мы; а поддерживают их только из опасения, что при падении турецкой власти турецкие славяне не получили бы самостоятельности, а стали бы под нашу власть или наше влияние. Только этим опасением западных держав держится Турция. Только в том случае, когда оно отстранится, турецкие славяне не встретят в западных державах препятствий своему освобождению. Или вы полагаете, что легко турецким славянам освободиться наперекор англичанам и французам? Шансы войны, в которой славяне имели бы против себя Западную Европу, не представляют ничего ободрительного для них. И неужели вы так низко думаете о турецких славянах, что они для своего освобождения от турок нуждаются в чьей-нибудь посторонней помощи? Если бы так, турецкие славяне были бы племенами, не заслуживающими ничего сочувствия, столь же еще недостойными свободы, как

индусы. Ведь турок в Европе только два миллиона, а славян — семь или восемь миллионов. Неужели не могли бы они справиться с турками? Спросите какого хотите болгарина или турецкого серба, нужна ли его соотечественникам чужая помощь для освобождения от турок, — он оскорбляется таким вопросом. Им нужна только уверенность, что другие державы не станут мешать их освобождению: остальное все сделают они для себя сами. Вот вы, если желаете добра турецким славянам, постарайтесь внушить западным державам уверенность, что падение турецкой власти в Европе не послужит к поглощению Дунайских княжеств и Болгарии Россией, не поведет к обращению Константинополя в русский губернский город, что Россия не имеет ни надобности, ни охоты расширять свои границы в Европе на юг. Как только успеете вы успокоить западные державы на этот счет, турецкие славяне освободятся без всяких пособий от нас; своими чувствительными рассуждениями о призвании русского орла покрыть славянские племена могущественными крыльями вы пологительно вредите освобождению турецких славян, возбуждая тревогу в западных державах. Точно то же надобно сказать и про ваши возгласы о необходимости поддерживать австрийских славян русским могуществом. Эти сентиментальные излияния пологительно вредят делу австрийских славян.

Вредят они ему двояким образом: как ваши слова о прикритии турецких славян могущественными крыльями русского орла возбуждают Англию и Францию поддерживать турок, точно так же подобные ваши речи об австрийских славянах возбуждают Германию поддерживать австрийцев. Неужели вы думаете, что при нынешних стремлениях немцев к политическому единству было бы мило для немцев существование нынешней Австрийской империи, являющейся сильнейшим препятствием к достижению немецкого единства, — было бы мило немцам поддерживать Австрию, если б не опасались они, что при падении этой империи восточная половина ее подпадет под власть России? Вы восстанавливаете немцев против освобождения австрийских славян.

Но этим не ограничивается зло, производимое вашею нерассудительною сентиментальностью. Она поддерживает в самих славянах Австрийской империи гибельную для них беззаботность. Своими обнадеживаниями вы приводите их в состояние людей, которые ждут, что сама влетит им в рот жареная утка, что самим им делать нечего, а надобно ждать, что мы сделаем за них все. По вашему счету в Австрии около 20 миллионов славян, а немцев только 6 или 7 миллионов. Вы говорите, что венгры также враги славян; вовсе нет, но положим, что также враги. Венгров около 5 миллионов. Что же это за племена, которые, имея в себе до 20 миллионов человек, не в силах освободиться из-под ига врагов, которых едва ли насчитывается и 12 миллионов? Даже при равенстве числа вся выгода на стороне народа,

защищающего свою независимость. А тут огромный перевес числа за славянами, — как же им не освободиться? Говорят: «австрийские славяне слабы потому, что разъединены». Совершенно так; но что же мешает им соединиться? Только то, что не ищут они поддержки для себя друг в друге, вообразая же, что существует для них внешняя поддержка в русских. Подумайте же, какое неприятное зрелище представляет масса более чем в 15 миллионов человек, не открывающая в себе достаточных сил для своего освобождения. Не будем несправедливы к вам: не вы одни виноваты в этом жалком состоянии австрийских славян: много тут значит неразвитость многих между ними, например, словаков и галицийских русинов. Но турецкие сербы и болгары развиты не больше их, а между тем понимают же свои силы, благодаря тому обстоятельству, что на них меньше действует расслабляющая перспектива чужой помощи. Она в очень значительной степени мешает австрийским славянам хорошенько позаботиться о прискании действительных средств к приобретению независимости; между прочим, она удерживает их и в том гибельном для них заблуждении, что не нужно им примириться с венграми, которые готовы на все для примирения. Жалея о том, что примирение до сих пор не устроилось по нерасчетливому пренебрежению славян к венгерским предложениям, мы жалеем теперь не столько венгров, сколько славян, которые сами теряют не меньше того, сколько отнимают у венгров, и которые все-таки внушают нам больше сочувствия, чем венгры, хотя мы и принуждены порицать их, хваля венгров.

Но австрийские славяне сами уже начинают несколько понимать ошибочность нерасчетливого влечения, мешавшего им заняться своими делами как должно. Сама газета «День» чувствует, что возгласы наших славянофилов не возбуждают между австрийскими славянами того безусловного доверия, каким пользовались лет 12 или 15 тому назад. Но очень наивно объясняется газетою «День» эта начинающаяся перемена. Она говорит, что прежде сочувствие славян к русским опиралось «на естественное чувство, не справлявшееся с летописями», то есть спиравшееся только на звук имени, без соображения интересов и обстоятельств. Теперь австрийские славяне стали несколько опытнее и разборчивее; потому их «сочувствие к России, переходя в область сознания, подвергает поверке и оценке» — степень вероятности извлечь существенную пользу для себя из наших славянофильских обещаний, — так мы дополняем фразу «Дня», сообразно предположению, что австрийские славяне одарены здравым рассудком; но сама газета «День», чуждая подобных предположений, дополняет свою фразу совершенно иначе: по ее словам, австрийские славяне подвергают псверке и оценке «нашу собственную верность славянским началам». Мы думаем, что если они занимаются этим, то совершенно напрасно теряют время. Каким племенным началом верно или

неверно какое-нибудь государство или население какой-нибудь страны — это вопрос очень любопытный в этнографическом, филологическом, археологическом и многих других научных отношениях, но в практических соображениях далеко не все зависит от него. Вот, например, северо-американцы были совершенно верны английским началам, когда увидели в конце прошлого столетия, что надобно им оторваться от англичан. Вот и теперь южные штаты и северные штаты Американского Союза одинаково верны северо-американской народности, а все-таки убедились, что нельзя им составлять одного государства, если южное устройство не будет переделано по принципам, не зависящим ни от какой народности. Северные штаты вздумали начать над Югом это дело, нимало не противное северо-американской народности, а южные штаты решились на отчаянную войну, нимало не рассуждая о единстве своей народности с северными штатами. Мы думаем, что и славянские племена занялись поверкою не того, какая у нас народность, а того, можем ли мы им быть полезны, какова бы ни была наша народность. Так оно выходит из последующих слов самой газеты «День», и мы этому очень рады, потому что желаем развития у всех славянских племен здравого политического смысла, который необходим для всяких племен, славянских ли, или не славянских. Газета «День» говорит:

«Образованные классы у славян восточных (а мы прибавим: и у западных), пораженные невежеством, равнодушием, молчанием нашего общества и нашей журналистики, не находя себе в последней никакой опоры, мало-помалу отворачиваются от нас», — что ж, и прекрасно делают, если наше общество невежественно, как титурует его газета «День». Какая польза и честь кому бы то ни было от союза с невеждами? Восхитительно тут еще одно выражение: не находя себе опоры в нашей журналистике». Какую, в самом деле, опору могла бы дать славянским племенам наша журналистика, при своем известном могуществе! Нечего сказать, сообразительны были славянские племена прежде, когда рассчитывали на силу нашей журналистики! Но мы думаем, что наша журналистика ничем не виновата в начинающейся перемене политических расчетов у западных славян. Да и западные славяне, по нашему мнению, вовсе не отворачиваются от нас, а просто находят, что мы не можем быть полезны их делу. Так мы думаем, и хвалим их рассудительность. А по словам газеты «День», выходит очень странная штука. Западные славяне, подвергнув поверке нашу верность славянским началам и отвернувшись от нас за неверность этим началам, сами взяли да и обратились в приверженцев Запада от досады на наше западничество. Вот слова газеты «День»:

«Бессильные устоять на собственных ногах, они хватаются в своей слабости за помощь западных пародов». Но ведь если так, значит, они хлопочут не о том, какова народность известной

державы, а лишь о том, выгоден ли для них союз с этою державой. Мы говорили выше, что именно по этому соображению и должны заключаться союзы. Если мы желаем блага западным славянам, мы должны радоваться, что, наконец, они отыскивают полезных помощников своему делу. Но газета «День» горюет: ей, как видно, хочется не того, чтобы участь западных славян улучшилась, а только того, чтобы они поклонялись нам, как «старейшим братьям». Она желает, чтобы они заимствовали свое «сознание» из «единоплеменной и единой верной России». Кстати мы спросим, кому единоверны католики-хорутане, чехи, словаки и униаты-русины: нам ли православным, или другим католикам; кому единоверны протестанты — чехи и словаки: нам ли, православным, или другим протестантам; кому, наконец, единоверны мусульмане-босняки — неужели также нам, русским?

Из этого всего мы выводим заключение такого рода.

Любовь к славянским племенам состоит в том, чтобы желать им добра. Наше содействие не может быть им полезно, напротив, оно повредило бы им, возбуждая в Англии, Франции, Германии спасение, которое не допускало бы их освобождения. Любовь к ним требует от нас, чтобы мы откровенно говорили им: вы составляете несколько десятков миллионов человек; такому многочисленному населению не нужна никакая посторонняя помощь; довольно будет и того, если державы, которым нет прямой надобности быть вашими врагами, не будут противиться вашему освобождению. При этом условии вы сами легко можете одолеть прямых ваших врагов. Постарайтесь же внушить сильнейшим западным державам уверенность, что вы по своем освобождении не будете служить ни для кого орудием против них. Наша помощь не нужна вам, была бы вредна вам. Да и нам самим было бы слишком тяжело воевать для вашего освобождения. Не рассчитывайте же на нас, а ищите сил в самих себе и сами устройте так, чтобы немцы, французы, англичане не видели для себя опасности в вашем стремлении к освобождению.

Вот образ мыслей и действий, внушаемый нам любовью к славянским племенам. Если бы не читали мы сентиментальных возгласов наших славянофилов, мы полагали бы, что ничего иного не могут говорить и думать русские, считающие себя проникнутыми любовью к славянским племенам. Но славянофильские излияния открывают нам, что под названием любви к славянским племенам существуют у нас в некоторых людях чувства и мысли совершенно иного разряда. Мы изложим эти странные чувства и мысли во всей их наготе, — разумеется, не для наших славянофилов, которые никак не могут рассуждать сообразно фактам и здравому смыслу, а для людей, способных понимать истину.

Есть между нами, русскими, люди, фантазия которых обуреваются фальшивою робостью, будто мы, русские, сами по себе

недостаточно сильны, и которые хотели бы увеличить могущество своей родины прибавкою новых областей. Но они замечают, что завоевывать обширные области в Европе против желания завоевываемых населений теперь дело слишком трудное, едва ли возможное для какой бы то ни было державы. Поэтому придумали они другую тактику. Они стремятся пробудить в славянских племенах желание добровольно искать нашего покровительства, возбуждая в них племенную ненависть ко всем другим цивилизованным народам, развивая в этих племенах мысль, что сами по себе они слишком слабы, что они без нашей помощи ничего не могут сделать для себя и что только под нашим покровительством могут они сохранить свою народность. С этой целью толкуют они о любви нашей к славянским племенам. Но дело тут вовсе не в любви к ним, а в эгоистическом расчете подчинить нам их, — тут не желание добра им, а желание увеличить собственное могущество. Полезно или нет славянским племенам искать нашего покровительства — об этом не думают люди, нами описываемые. Они стараются, как мы сказали, прикрыть свои эгоистические расчеты словами любви; но желание господствовать постоянно проглядывает в их речах: они не умеют удержаться даже от того, чтобы не толковать уже и теперь о нашем старшинстве над другими славянскими племенами, о том, что у нас одних сохранились истинные принципы славянской народности, и т. д. и т. д. Это говорят они даже теперь, когда еще заманивают славянские племена игти под наше покровительство и когда надобно утаивать им все, чем могли бы оскорбиться или встревожиться против их заманок славянские племена; легко отгадать, какие стремления обнаружила бы эта партия, когда бы удалось ей поймать в свои лапы милых единоплеменников. «Мы ваши старшие братья», говорит она, а по нашему народному обычаю старший брат заступает место отца, власть которого безгранична в семействе, и младшие братья должны безусловно повиноваться ему, не смея сами рассуждать ни о чем:

Ты наш старший брат, нам второй отец,
Делай сам, как знаешь, как ведаешь, —

вот как обязаны говорить младшие братья старшему по нашему народному обычаю: «ты даже и не советуйся с нами, не спрашивай нашего мнения, мы не должны иметь собственного мнения, твоя воля — нам закон:

Делай сам, как знаешь, как ведаешь, —

а мы твои покорные слуги во всем».

«Мы одни сохранили чистую славянскую народность», — говорит эта партия, — стало быть, все, чем славянские племена отличаются от нас — отщепенство от славянской народности, и

для восстановления чистоты ее они должны принять наши понятия, наши обычаи и учреждения, нашу веру и наш язык. Да, они должны отказаться даже от своих наречий для нашего русского языка, — славянофилы уже и теперь не церемонятся в этом отношении с южноруссами: г. Владимир Ламанский говорит, что львовское «Слово» не должно издаваться на южнорусском языке, а должно издаваться на нашем литературном языке, которым писал Пушкин и на котором издаются «С.-Петербургские» и «Московские ведомости». А вера? Славянофилы провозглашают, что исповедание должно быть краеугольным основанием государственного и всего гражданского быта, а славянская народность тождественна с православием. Чехи, словаки, хорваты — отщепенцы от этой основной стихии славянства и, конечно, должны возвратиться к ней для своего славянского очищения. Если же язык и вера должны быть изменены славянскими племенами в соответствии нашему чистому русскому славянству, то какое сомнение может существовать о судьбе, предполагаемой нашими славянофилами для обычаев и учреждений, в которых славянские племена отличаются от нас? — Все должно измениться по нашему русскому порядку, образцовому и единственному чистому славянскому порядку.

Мы не хотим сказать, что подобного стремления сознательно держатся все люди, называющиеся у нас славянофилами. Коренное свойство их — фантазерство, а у фантазеров неопределенная сентиментальность мечты обыкновенно мешает определенному сознанию. Но сознательно или бессознательно, а лежит в их стремлениях тот порядок понятий, который изобразили мы, — не для ~~них~~ самих, как уже и сказали, потому что они недоступны внушениям рассудка, а для тех наших славянских братьев, которых заманивают они на ложный путь своими сентиментальными толками о мнимой своей любви к ним.

Угодно ли нашим славянским братьям убедиться, что наши славянофилы действительно готовят для них ту судьбу, как мы говорим? Пусть они прочтут статью г. В. Ламанского во втором номере газеты «День», и пусть они, читая эту статью, попробуют вникать в сущность мыслей, закрашиваемых любвеобильными фразами. Г. В. Ламанский поместил во втором номере газеты «День» возражение на мою статью о львовском «Слове», напечатанную в «Современнике» под заглавием «Национальная бестактность». Спорить с г. В. Ламанским я не намерен⁵. Я только обращаю внимание публики на некоторые места его статьи. Но прежде, чем стану выписывать отрывки из нее, представляю я несколько строк из примечания, которым снабдила ее сама редакция газеты «День». Редакция газеты «День» хвалит галицких русинов за то, что «они всячески стараются усвоить себе наш русский литературный язык, считают нашу литературу своею». Далее редакция газеты «День» негодует на мою статью

за то, что статья эта «предлагает галицким русинам держаться малороссийской племенной особенности и не враждовать с поляками». Предлагаю образованным людям славянских племен заметить это прекрасное выражение: «малороссийская племенная особенность». Малороссов 13 миллионов. Их язык не удостоивается считаться чертой их народности: он только «племенная особенность». Если народ, считающий 13 миллионов населения, не достоин считаться имеющим свою неприкосновенную народность, то поцеремонится ли наше славянофильство с какими-нибудь болгарями или сербами, хорутанами или чехами, которые несравненно малочисленнее малороссов? Если для славян еще не ясно дело, его окончательно разъясняет г. В. Ламанский. Г. В. Ламанский говорит, что он «не понимает значения слов: малорусский патриотизм», потому что он, г. В. Ламанский, «может допустить» только «русский патриотизм». Далее он говорит, что есть несколько вопросов, по которым не сходится с малороссами. В чем же он не сходится с ними? Дело объясняется все по поводу высказанного мною русинским малоруссам совета, чтобы они писали своим малорусским языком, а не ломаным нашим литературным языком. Он говорит, что слова статьи «Современника» о языке львовского «Слова» подают ему повод выказать наше «несогласие» с некоторыми взглядами «Основы».

Видно (продолжает он, говоря обо мне), что рецензент кое что читал в ней. Так, он особенно вооружается на русинов за то, что они не пишут на языке наших малороссов. Очевидно, он повторяет в этом случае слова «Основы». Это мнение рецензента столь же ошибочно и неверно, как и выше указанные, и само по себе серьезного опровержения не заслуживает. Но из уважения к «Основе» мы решаемся представить об этом предмете несколько замечаний, быть может, излишних в нашей литературе. Наше разногласие в некоторых взглядах с этим журналом никак не может ослабить нашего сочувствия и уважения к нему.

Вот в чем наше разногласие с «Основою» (продолжает г. В. Ламанский). И она, и мы одинаково недовольны языком большей части писателей Червонной Руси, который есть не что иное, как наш литературный язык с более или менее значительной примесью малорусского наречия. Но она полагает, что малоруссы Австрии должны бросить свою литературную речь и начать писать языком Основьяненки, Шевченки и Марко Вовчка. Мы же убеждены, что они с течением времени, при дальнейшем развитии, придут к ясному сознанию необходимости принятия нашего русского языка языком школы, науки и образованности, но вместе с тем не покинут и своего малорусского наречия, напротив, будут его развивать и обрабатывать литературным образом подобно, например, нашим малоруссам или тем немцам и французам, которые заботятся о литературном развитии *patois* и *plattdeutsch**. Наше убеждение основано на двух положениях: 1) наши малороссы не могут отбросить русского литературного языка, 2) русины не могут оставить своего наречия без литературной обработки.

Русский литературный язык образован не со вчерашнего дня и не Ломоносовым, который его только точнее определил и усовершенствовал. В основе

* *Patois* — местное наречие французского, *plattdeutsch* — местное наречие немецкого языка. — *Ред.*

своей великорусский язык наш принадлежит одинаково в значительной мере и малороссиянам. Отказавшись от него, они бы отказались от значительной части своего прошедшего, своей истории и все-таки бы не успели образоваться на своем наречии такой литературы, которая бы им сделала излишнюю литературу русскую. Отказавшись от русской образованности, они принуждены бы были примкнуть к польской, с которою тоже словесность малорусская не сравняется. Пока же малоруссы не создадут своей образованности на своем наречии, до тех пор должны они учиться и писать или на русском, или на польском языке. Но выбор последнего возможен для Малороссии только с принятием католицизма, возобновлением унии...⁶ Иначе все сочувствия Малороссии всегда будут принадлежать русской образованности и литературе, тем более, что она не только единоверна Малороссии, но и отнюдь не исключительно великорусская. Общий элемент нашего литературного языка — церковно-славянский, принятый нами вместе с христианством, утратил у нас большую часть своих болгарских особенностей под влиянием писателей и писцов южной и северной Руси, еще до подчинения первой Литве. И в настоящее время наречия малорусское и великорусское не отличаются между собою множеством важных и резких особенностей. До конца же XIV века и даже позже они были незначительны, если не совершенно ничтожны (разумеется, не в лингвистическом, а в практическом отношении). Так было с живым народным языком. Письменный же язык еще подавнее был общеодинаков для южной и северной Руси, насколько может быть общ письменный язык юного, малообразованного народа. С отделением Руси южной от северной мало-помалу обнаружилось у них несогласие и в языке письменном. Но и в это время до Ломоносова никогда не происходило между ними полного разрыва, ибо у них был общий элемент — церковно-славянский. Есть множество южно-русских сочинений XVI и XVII веков, писанных тем же языком, каким писали в то время в Москве, Новгороде, Вологде, поморских городах. Язык московских грамот относительно силы, богатства, народности, конечно, не может быть и сравниваем с нечистым, безобразным языком южно-русской гражданственности, испытавшей сильное влияние Польши, что отразилось и в языке, исполненном полонизмов. В них заметно сильное влияние языка церковных книг, летописей, а следовательно и прежних писцов и писателей южной Руси. Огромное, непосредственное влияние имели на язык наш южно-русские ученые и писатели с конца XVII века почти до самого Ломоносова. Малоруссы господствовали тогда у нас в иерархии, в школе и образованности. Они, повидимому, имели все средства образовать русский литературный язык на малорусской основе. История решила иначе. Уроженец Двинской земли, коренной новгородец Ломоносов принял наречие московское, но в то же время признал всю законность и необходимость общего элемента, церковно-славянского. Для дальнейшего развития нашего языка имели огромное значение многие даровитые писатели из малороссии и один гениальный — Гоголь. Итак, наш литературный язык нынешним своим видом обязан общим, совокупным усилиям велико-мало-руссов. Он есть плод исторической жизни всего русского народа. Признаемся, мысль о возможности особой малорусской литературы (а не местной словесности) представляется нам величайшею нелепостью. Эта литература возможна только при условиях самых невообразимых. Так, например, надо убедить всех мыслящих малороссииан в ее необходимости, надо им позабыть употребление русского языка, перестать читать русские книги, надо образовать целые поколения малороссииан в неведении русского языка и литературы. Без этих условий самостоятельная украинская литература немислима. По-нашему, одинаково нелепо, роптать ли на судьбу и обижаться таким выводом, или гордиться им и видеть в этом обстоятельстве умственное превосходство великоруссов над малороссиянами.

Но если невозможна самостоятельная литература малорусская, то воспрещать Червонной и Угорской Руси наш литературный язык — значит

посвягать на ее народность, убивать в ней сознание ее племенной, исторической связи со всею, следовательно, и с Малою Русью.

Но если невозможна самостоятельная литература малорусская, то возможна и полезна литературная обработка наречия малорусского рядом с общерусским языком, особая *малорусская словесность* рядом с русскою литературою, с русскою наукою и образованностью. Нелепо сетовать северному немцу и швабу, шотландцу и малоруссу на то, что, например, Кант, Гегель, Вальтер-Скотт, Д. Юм, Гоголь и Савич не писали по-нижне-немецки, по-швабски, шотландски и малорусски так же как и англичанину, и великоруссу на то, что Борнс и Шевченко писали на своих местных наречиях. Но было бы столь же нелепо и непоследовательно со стороны наших малороссиян воспрещать своим землякам в Австрии обработку своих местных наречий. Надо заметить, что в Галиции существует три местных наречия: на востоке — *волыньское*, на юге и западе — *горское* (карпато-русское), в середине — *галицкое*. Волыньское, употребительное и у нас на Волыни и Подолии, имеет уже некоторые отличия от литературного наречия наших малороссиян, собственно, полтавского и киевского. Еще отличное от него другие два поднаречия — *галицкое* и *карпато-русское*. Каждое из них имеет свои особенности, одинаково чуждые как малорусскому, так и великорусскому наречию. Но зато в каждом из них есть такие особенности, которые существуют в великорусском и не имеются в малорусском наречии. Вся законность нашего литературного малорусского наречия на том и основывается, что он прямо говорит малорусскому сердцу, живо затрагивает его нежные струны. Как ни близок, ни понятен нашему малоруссу литературный наш язык, однако, для его понимания он все-таки нуждается хотя в ничтожной предварительной подготовке. Чисто народная речь Шевченки, Марко Вовчка прямо понятна всякому простолюдину-малоруссу. Но русину галицкому, угорскому она далеко не своя, не чисто родная речь. Ему надо привыкнуть, научиться к ней. Итак, с чего и зачем, на каком основании Червонную и Угорскую Русь лишать того права, которое признается за Малою Русью, — права на литературную обработку своей местной речи? Язык же школы (не только университетского, но и гимназического преподавания), науки, образованности для Червонной и Угорской Руси должен быть русский литературный язык, которого никогда не покинет и наша Малая Русь. В противном же случае русскому народу в Галиции и Венгрии придется вовсе остаться без науки и образованности или принять ее органом языки немецкий, польский и мадьярский. Тот и другой выбор повлечет за собою утрату народности.

Плохой знаток малорусского наречия, но страстный любитель этой народности, рецензент наш (все продолжает г. В. Ламанский, говоря обо мне), как и следовало ожидать, понимает это дело совершенно наыворот. Он нападает на «Слово» за его попытки писать на русском языке, на котором писали их земляки — Капнист, Основьяненко, Богутянский, Лодий, Венелин, Гребенка⁷, Гоголь, на котором и Шевченко писал свой дневник, постоянно пишут гг. Кулиш и Костомаров. «Наши малороссы, — говорит, он, — уже выработали себе литературный язык (наречие, ибо литературного чисто малорусского языка нет), гораздо лучший (нежели ломаный язык Львова): зачем отделяться от них? (чтобы не отделяться, Червонная и Угорская Русь и должна принять наш язык). *Разве он так далек от языка русинов, что им нужно писать другим языком?* (Непременно!) *Но если так, вы уже не малороссы* (хорош вывод! Итак, будто Карпатская Русь виновата, что в ее наречии много своеобразных особенностей!), *вы, как лужичане, отдельное племя* (неправда, тот же русский народ, что и в России, к которой он питает большое сочувствие, как в том живо убедились русские солдаты, проходившие Австрию в начале нынешнего столетия). Но если так, вас только 3 миллиона, вы не можете удержать своей народности (следует прибавить: если не примете органом образованности русского языка).

Доселе глаголет г. В. Ламанский. Хорошо он говорит. И ведь это говорится еще в такое время, когда г. В. Ламанский находит надобность осыпать малоруссов уверениями в своей любви к ним. А между тем, что же такое у него говорится? — Малоруссы Австрии не должны писать языком Шевченки и Марко-Вовчка; они должны принять наш литературный язык языком своих школ. Малоруссы должны смотреть на свой язык только так, как французы смотрят на свои *parois*, на свои деревенские говоры. Наш великорусский язык должен принадлежать не одним нам, а также и малоруссам, «и в настоящее время наречие малорусское или великорусское не отличаются между собою множеством важных и резких особенностей». «Наш литературный язык есть плод исторической жизни всего русского народа». «Мысль о возможности особой малорусской «литературы» представляется г. В. Ламанскому «величайшей нелепостью» — «самостоятельная украинская литература немыслима» для г. В. Ламанского, и далее: «самостоятельная литература малорусская невозможна», по его мнению — он допускает только «местную словесность малорусскую». Но он не допускает даже и того, чтобы хотя эта «местная словесность» служила общою связью для малорусского народа. Собственно говоря, по его мнению, даже нет общего малорусского языка, а существуют только местные малорусские поднаречия, которых в одной Галиции целых три. Из них два имеют «такие особенности, которые существуют в великорусском и не имеются в малорусском наречии». «Русинам галицким речь Шевченки и Марко Вовчка далеко не своя, не родная речь», «язык школы, не только университетского, но и гимназического преподавания, для Червонной и Угорской Руси должен быть русский литературный язык»; тот же самый язык навсегда предписывается и для нашей Малой Руси. Наконец г. В. Ламанский находит, что галицкие русины — не русины, не отдельное племя от нас, жителей Москвы и Поволжья, а то же самое племя, как и мы, и что они не могут удержать своей народности, если «не примут органом образованности» нашего литературного языка.

Достаточно ли этого, чтобы раскрыть глаза другим славянским племенам относительно результатов, приготавливаемых для них нашими славянофилами?

Роль, принимаемая на себя мною, далеко не так прелестна, как роль славянофилов. Предостерегать от заблуждений значит подвергать себя нареканию людей, преданных заблуждениям. Но в старинном нашем языке, на который ссылается г. В. Ламанский, слово «прелесть» обозначало обман. Я предоставляю г. В. Ламанскому и другим подобным ему людям являться перед славянскими племенами в прелестном виде. Пусть образованные люди в этих племенах сами рассудят, кто на самом деле больше

любит их: те ли, которые, подобно нашим славянофилам, льстят им и самохваляются, или те, которые предостерегают их.

Надобно сказать в заключение несколько слов о грубом заглавии этой статьи. Оно, при всей своей грубости, все-таки самое невинное объяснение, какое может быть приискано для странной системы действий наших славянофилов относительно славянских племен. Оно говорит, что эта система происходит только от уменьшения их понятия отношения нашей русской народности к другим славянским народностям, только от неразумного увлечения мыслью, будто наша русская народность единственный чистый тип славянской народности, что они, наши славянофилы, представители образцового славянского народа. Я говорю только, что они сбились с толку в своих понятиях о русской народности и о согласии своих теорий с этою народностью. Таковы действительно многие из них: люди, чистосердечно заблуждающиеся и не имеющие никаких сознательных дурных намерений. К сожалению, не все они таковы. Есть между ними хитрецы, умышленно вводящие в заблуждение своих простосердечных товарищей. Если бы говорить об этих хитрецах, пришлось бы характеризовать славянофильство не такими словами, какие выставлены в заглавии моей статьи, а другими, — вероятно, более мягкими, но имеющими не такой невинный смысл.

Впрочем, славянофильская сторона газеты «День» сама по себе, а достоинство других сторон, которые, конечно, будут оказываться в этой газете, — другое дело. Мы уверены, что она со временем привлечет к себе внимание не одними славянофильскими фальшами, кроме которых ничего, к сожалению, нет в двух первых ее номерах.